
Т. А. Жданко

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА
ПЕРЕХОДА КОЧЕВНИКОВ НА ОСЕДЛОСТЬ
В СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ**

(В СВЯЗИ С РАБОТОЙ В СССР СЕМИНАРА МОТ
ПО ПРОБЛЕМЕ ОСЕДАНИЯ КОЧЕВНИКОВ)

До Великой Октябрьской социалистической революции кочевой и полукочевой образ жизни вели многие народы окраин России. В разнообразных по природным условиям и по этническому составу населения областях сложились разные типы кочевого скотоводческого хозяйства: оно имело свои особенности у оленеводов тундры, у скотоводов степей Нижней Волги и Северного Кавказа, горных областей Алтая, Тянь-Шаня и Памиро-Алая, пустынь и полупустынь Средней Азии и Казахстана.

В. И. Ленин, подчеркивая крайнюю отсталость хозяйств, которые «находятся в состоянии кочевом или полукочевом», относил их к патриархальному укладу, первому «считая снизу доверху» из числа по меньшей мере пяти экономических порядков (систем) или укладов, существовавших по его определению в дореволюционной России¹.

Коммунистическая партия и Советское правительство уже в первые годы социалистических преобразований разрешили сложную и трудную задачу — обеспечить прогрессивное изменение отсталых форм хозяйства, социальной структуры и быта этой части населения страны путем вовлечения его в колхозы и промышленность, подъема культуры и создания благоприятных условий для перехода к оседлости.

Главной особенностью оседания кочевников и полукочевников в СССР было то, что этот процесс происходил в общем ходе социалистических преобразований, как одно из многих звеньев ленинской национальной политики, обеспечившей реальную возможность перехода отсталых народов к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Плановые мероприятия Советского государства, направленные на создание условий для добровольного перехода кочевников к оседлости, были неразрывно связаны с такими основополагающими факторами социалистического строительства, как индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, культурная революция, а также интернационализм и бескорыстная братская помощь более развитых народов нашей страны.

О плодотворности советского опыта преобразования хозяйства, общественных отношений, бытового уклада и культуры кочевников свидетельствует, в частности, пример казахов и киргизов. Для этих народов кочевое скотоводство издревле было основным, традиционным типом хозяйства; даже после первых земельных реформ и важнейших меро-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 158.

приятий Советской власти по землеустройству, накануне коллективизации сельского хозяйства все еще около 70% казахского населения Казахской ССР (566 тыс. хозяйств) вели кочевой и полукочевой образ жизни²; в Киргизии было к этому времени 85 тыс. хозяйств кочевников и полукочевников³.

С первых лет Советской власти, вслед за ленинским Декретом о земле, в скотоводческих районах Средней Азии и Казахстана стали осуществляться одно за другим государственные мероприятия, обеспечивающие улучшение положения бедняков-скотоводов.

В 1921—1922 гг. была проведена первая земельная реформа в Казахстане, Киргизии и др. кочевых районах, подвергшихся при царизме колонизации. Скотоводам возвратили земли, насильственно конфискованные в колонизационный фонд — летние и зимние пастбища, пахотные участки, сенокосные угодья, скотопрогонные пути. Задачей реформы было полное уравнивание в правах землепользования казахов и киргизов с другими местными национальностями и русскими переселенцами.

В 1923—1924 гг. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили положение о землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения Туркестанской и Казахской АССР. Оседавшим хозяйствам выдавался кредит для приобретения инвентаря, семенная ссуда, лес для сооружения домов и хозяйственных построек.

В 1927 г. правительство Казахстана произвело передел пахотных и сенокосных угодий. Из конфискованных у богатых землевладельцев земель более 60% было передано батракам и беднякам, около 30% — крестьянам-середнякам.

В 1927—1929 гг. в Казахстане и Киргизии была осуществлена конфискация излишков скота у крупных баев, с передачей его батракам, беднякам и колхозам. Уравнительное распределение земли и скота ограничило экономическую мощь, права и привилегии баев и вызвало существенное изменение социального облика аула.

Большое значение для облегчения положения скотоводов имели национализация колодцев и государственные ассигнования на сооружение и оборудование водопоев.

Уже в 1920-х гг. началось кооперирование — сперва в форме кредитной и потребительской кооперации, деятельность которой ограничивалась функциями снабжения и сбыта, обмена сельскохозяйственных продуктов на промышленные товары; затем стали распространяться мелиоративные и другие формы сельскохозяйственной кооперации, затрагивающие область производственной жизни, обеспечивающие крестьян машинами, инвентарем, тяглом, семенами. В кочевых районах Казахстана, в глубине степи распространилась специфическая форма вовлечения скотоводов в потребительскую кооперацию через торговые фактории, закупавшие продукцию животноводства и снабжавшие кочевников продуктами первой необходимости.

Широкое развитие разных видов кооперации, проникавшей в самые отдаленные и глухие районы края, подготовило постепенный переход к коллективизации.

В степных животноводческих, кочевых и полукочевых районах, в первые годы коллективизации основной формой колхозного строительства были ТОЗ — товарищества по совместной обработке земли, это была переходная ступень к артели; другой переходной к колхозам формой

² Ш. Юсупов, Из истории перехода кочевого казахского населения к оседлости, «Вопросы истории», 1960, № 3, стр. 35, 37.

³ «История Киргизии», т. II, Фрунзе, 1963, стр. 339.

кооперации были ТОЖ — товарищества по общественному животноводству, кормодобытыванию и обработке земли. Большую роль в процессе коллективизации сыграли совхозы, машинно-тракторные и машинно-сенокосные станции. Объединяясь в колхозы, скотоводы — казахи и киргизы — также как и земледельческое сельское население получали от государства землю в вечное (бессрочное) пользование; в колхозные угодья входили и пастбища, и пахотные участки.

Процесс коллективизации в животноводческих районах сопровождался массовым оседанием, принявшим в 1930-е гг. характер планового государственного мероприятия.

В 1930—1931 гг. при Советах народных комиссаров Казахской и Киргизской АССР были созданы республиканские комитеты по вопросам перехода к оседлости и выделены специальные крупные ассигнования из общесоюзного и республиканских бюджетов на подготовительные работы: организацию территории, строительство ирригационной сети, сооружение колодцев на пастбищах, планировку поселков, возведение жилых домов и хозяйственных построек, школ, больниц. Проводилась большая разъяснительная работа в аулах о задачах и преимуществах кооперирования и перехода к оседлости.

К концу 1935 г. оседание более полумиллиона кочевых и полукочевых хозяйств Казахстана в основном закончилось. Около 400 тыс. хозяйств объединились в колхозы. Около 40 тыс. чел. определились на работу в совхозы и другие сельскохозяйственные предприятия. Свыше 100 тыс. чел. стали работать в промышленности и на транспорте, влились в ряды рабочего класса⁴.

Коллективизация в кочевых и полукочевых районах Средней Азии и Казахстана была очень сложным процессом. Главная трудность заключалась в устойчивости пережитков патриархально-феодалных отношений и традиций родового быта. Эти пережитки в годы коллективизации стали основным орудием прежних властителей аула, баев и мананов, сопротивлявшихся социалистическим преобразованиям. Призывая своих сородичей к соблюдению традиций родового единства и к послушанию аксакалам, они использовали древние обычаи для борьбы с новыми установлениями и законами, которые непосредственно касались их материального благополучия, уничтожали все их привилегии и подрывали господство в кочевом ауле.

Переход населения к оседлости в процессе коллективизации способствовал преодолению этих трудностей. Оседание давало возможность быстрее положить конец разнообразным формам эксплуатации кочевников-скотоводов, освобождало их от экономической зависимости и идеологического влияния феодально-родовой верхушки кочевой общины, облегчало кооперирование, было важным условием для организационно-хозяйственного укрепления колхозов и реконструкции хозяйства на социалистических основах, создавало возможность лучшей организации системы народного образования, здравоохранения, прогрессивного изменения бытовых устоев.

К 1940 г. в Казахстане 99,3% всех хозяйств были уже объединены в сельхозартели, создано 194 совхоза, 330 МТС⁵. К этому времени завершилось также оседание и коллективизация в Киргизии.

Переход кочевников и полукочевников к оседлости всесторонне изучают историки нашей страны как одну из конкретных форм многогран-

⁴ М. Шаумян, От кочевья к социализму, Алма-Ата, 1965, стр. 177—178.

⁵ Д. Куняев, Октябрьская революция и преобразование национальных окраин, «Коммунист», 1967, № 6, стр. 31.

ного опыта Советских республик Востока на их пути некапиталистического развития к социализму⁶. Став на этот путь, Казахстан и Киргизия за 50 лет Советской власти достигли под руководством Коммунистической партии уровня передовых индустриальных стран, с крупным механизированным коллективным сельским хозяйством и развитой национальной культурой.

Киргизия — в прошлом страна кочевников, нищих и безграмотных, не имевших представления о промышленности, теперь развивает такие отрасли индустрии, как цветная металлургия, машиностроение, электроника, приборостроение, производит сельскохозяйственные машины и автомобили, добывает уголь, нефть и газ. Продукция с маркой киргизских заводов поставляется более чем в 50 стран Европы, Азии, Африки и Америки⁷.

В Казахстане, где до революции мощность энергетических установок была меньше мощности нынешнего электровоза, сейчас производится энергии в 10 раз больше, чем на всех электростанциях царской России. Промышленность Казахстана за 50 лет Советской власти прошла путь, на который многим развитым странам потребовались столетия. Индустриализация привела к крупным изменениям в социальном составе населения. Городское население Казахстана с 1913 по 1966 г. выросло с 541 тыс. чел. до 5786 тыс. чел., и удельный вес его соответственно поднялся с 10 до 48%⁸.

В Киргизии 300 тысяч рабочих заняты ныне в промышленности, строительстве, на транспорте, в совхозах⁹.

Кадры рабочих в Казахстане и Киргизии многонациональны, но рабочие местных национальностей теперь составляют на всех предприятиях значительную часть производственных коллективов. Из среды молодого рабочего класса этих республик выросло немало представителей интеллигенции местных национальностей — инженеров и научных работников, техников и высококвалифицированных мастеров.

Обе республики успешно развивают традиционную отрасль сельского хозяйства и стали крупными животноводческими базами на востоке нашей страны; современное животноводство колхозов и совхозов — вы-

⁶ См., напр., по Казахстану: Ф. Сластухин, Социалистическая перестройка кочевого казахского аула, «Сов. этнография», 1933, № 1; И. А. Зверяков, От кочевья к социализму, Алма-Ата, 1934; Б. Н. Семевский, Экономика кочевого хозяйства Казахстана в начале реконструктивного периода, «Известия Всесоюзного географического общества», т. 73, вып. 1, М., 1941; П. В. Погорельский, Оседание кочевников и развитие животноводства, Алма-Ата, 1949; С. Б. Баишев, Великие социалистические преобразования в Казахстане, Алма-Ата, 1955; его же, Победа социализма в Казахстане, Алма-Ата, 1961; А. Турсунбаев, Победа колхозного строя в Казахстане, Алма-Ата, 1957; А. П. Кучкин, Советизация казахского аула (1926—1929), М., 1962; Г. Ф. Дахшлейгер, Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921—1929), Алма-Ата, 1965; его же, Из опыта истории оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств (до массовой коллективизации), «Сов. этнография», 1966, № 4, а также цитированные выше работы Ш. Юсупова и М. Шаумяна.

По Киргизии: П. Погорельский и В. Батраков, Экономика кочевого аула Киргизстана, М., 1930; М. Г. Сахаров, Оседание кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии, М., 1934; П. К. Алпацкий, К истории оседания кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии, Фрунзе, 1959; С. Ильясов, Кооперативно-колхозное строительство в Киргизии (1918—1929), Фрунзе, 1959; его же, Переход к оседлости и его значение в преобразовании культуры и быта киргизов, Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964; Б. Байбулатов, Борьба парторганизации Киргизии за проведение оседания кочевого населения, Фрунзе, 1965, и др.

⁷ Т. Усубалиев, По дороге, указанной Лениным, «Правда», 28 октября 1966 г.

⁸ «Народное хозяйство СССР в 1965 г. Статистический ежегодник», М., 1966, стр. 10—11.

⁹ Т. Усубалиев, Указ. раб.

сокоразвитое производство, опирающееся на новейшие достижения науки и техники. Однако, наряду с животноводством бывшие кочевники — казахи и киргизы, достигли больших успехов в возделывании хлопчатника и сахарной свеклы, лекарственного мака и многих других культур. Освоение свыше 25 млн. га целины преобразило облик огромной части территории Казахстана и превратило эту республику в крупную житницу страны.

О росте сельской интеллигенции, непосредственно занятой в колхозном производстве, говорят данные о численности руководящих работников и специалистов с законченным высшим и средним образованием в колхозах в 1966 г. Согласно этим данным, в Казахской ССР, законченное высшее и среднее специальное образование имеют 93,2% агрономов, 91,3% зоотехников, 58,8% ветеринарных врачей, фельдшеров, веттехников, свыше 50,6% инженеров, техников, механиков, 77,6% председателей колхозов, значительная часть заведующих животноводческими фермами и бригадиров производственных бригад. В Киргизии число специалистов с высшим и средним образованием среди агрономов и зоотехников составляет 94—95%, среди председателей колхозов — 74,6%¹⁰. Таким образом, многие тысячи представителей местной сельской интеллигенции ныне повышают культуру сельского хозяйства этих республик.

Исключительно велики достижения казахского и киргизского народов в развитии науки и культуры, в создании духовных ценностей. Их литература, музыка, театр, живопись, кинематография достигли высокого уровня современного профессионального искусства. 20 тыс. ученых работают в научных учреждениях Казахстана. В Академии наук республики исследуются сложнейшие проблемы в области ядерной физики, астрофизики, электроники, телемеханики и других наук.

Преобразования в культурно-бытовом укладе бывших кочевников происходили более сложным путем, чем экономическая реконструкция их хозяйства. Однако победа новых, социалистических устоев духовной жизни и тут неоспорима.

Вопреки положениям некоторых зарубежных социологов и этнографов о «психологической неподготовленности» кочевников к восприятию культурных условий жизни, о незыблемости традиционных «моделей культуры» каждого народа, исторический опыт Советского Союза показывает, что в своем прогрессивном развитии каждый народ постепенно освобождается от всего устарелого, противоречащего новым условиям жизни, несоответствующего уровню современного просвещенного человека, вооруженного техникой и научными знаниями. Это отнюдь не означает игнорирования положительных национальных традиций. Они сохраняются и развиваются, создавая специфический яркий колорит национальной культуры и быта каждого народа и в то же время становятся общим достоянием, вкладом в социалистическую культуру многонациональной советской страны.

Реальная действительность убедительно опровергает распространяемые в зарубежной литературе клеветнические измышления о психологической угнетенности бывших кочевников в СССР, о гибели их производственных навыков и их своеобразной культуры, о их нищенском существовании и неспособности к овладению техникой.

¹⁰ «Народное хозяйство СССР в 1965 году», стр. 440. Часть специалистов сельского хозяйства — техников, механиков и др. — получает образование на базе восьмилетней школы в сельских профессионально-технических училищах, на курсах механизации и т. д.

* * *

Если в Советской стране переход кочевников к оседлости давно уже стал предметом исследования исторической науки, то для большинства стран Азии и Африки преобразование жизни кочевников-скотоводов — одна из наиболее актуальных задач современности. В частности это касается развивающихся стран Среднего Востока и Северной Африки. В некоторых из этих стран уже проводятся практические мероприятия, способствующие оседанию кочевников; в других — составляются, дебатированы и экспериментируются проекты программ так называемой седентеризации, т. е. перевода кочевников на оседлость.

Международные организации ООН — ЮНЕСКО, МОТ и другие также развивают в этом направлении деятельность, общие задачи которой сформулированы в конвенции МОТ «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни в независимых странах»¹¹.

Внимание к проблеме оседания кочевников, составляющих значительную часть «коренного населения, ведущего племенной образ жизни» вызвано рядом обстоятельств. Хотя число кочующего населения за последнее время сильно сократилось, оно все еще довольно значительно в некоторых государствах; так, например, в Саудовской Аравии 3,5—4 млн. чел. кочевников и полукочевников, что составляет примерно 60% общей численности населения; в Афганистане число их достигает 2,5 млн. чел. (около 17% населения); в Иране — 2,5—3 млн. (11—13%); в Марокко — около 2 млн. (15%); в Ливии — около 400 тыс. (26%); в Нигере — более 300 тыс. (около 9%), в республике Чад — около 500 тыс. чел. (12% населения)¹². Эти цифры говорят о сравнительно не большом удельном весе кочевого населения указанных стран (за исключением Саудовской Аравии); однако они выглядят гораздо внушительнее, если учесть огромные пространства аридных областей — пустынь, полупустынь и гор, занимающих большую часть территорий стран Среднего Востока и Северной Африки. Кочевое скотоводство, при общем слабом экономическом развитии этих стран, до сих пор еще нередко сохраняет там значение единственного способа хозяйственного использования пустынь и основного средства существования десятков и сотен тысяч жителей.

Вот как характеризует численность кочевников в этих регионах один из видных исследователей проблемы номадизма Ф. Беннет: «Что касается количества (кочевников.— Т. Ж.), то из всего населения Сахары, которое исчисляется в 4 730 000 чел. (в пределах Алжира, Туниса, Марокко, Мавритании, Рио-де Оро, Ливии, Мали, Чада, Нигера, Египта и Судана) — 1 220 000 считаются кочевниками; они составляют 90% населения области Сахары в Мали, 60% в Нигере и Рио-де Оро и 40% в Алжирской Сахаре. Эти цифры еще увеличиваются в областях сахеля и саванны в суб-сахарском тропическом поясе; кроме того, все население областей саванны (за пределами Сахары) в Судане, Сомали, Эфиопии и Кении почти не знает другого образа жизни, кроме кочевого.

Степи и пустыни Ближнего Востока являются колыбелью бедуинского комплекса, а в Иране, Анатолии, Афганистане, Белуджистане и го-

¹¹ Принята сороковой сессией Генеральной конференции МОТ в Женеве 5 июля 1957 г. Конвенция призывает к проведению мер для облегчения «прогрессивной интеграции и улучшения условий жизни и труда» этого населения.

¹² «Население земного шара. Справочник по странам», М., 1965. Следует отметить приближенность этих данных: помимо отсутствия точного учета кочевников в переписях, в одних случаях к ним причисляются и полукочевники, в других — не причисляются.

рах Пакистана кочевая жизнь горцев остается прочно укоренившейся системой, которая накладывает отпечаток на жизнь нескольких миллионов»¹³.

Главная причина роста внимания к проблеме оседания кочевников — их крайне бедственное положение, сохранившееся в развивающихся странах как следствие длительного воздействия колониальной системы. Развитие капиталистических отношений в условиях колониализма нанесло огромный ущерб кочевому скотоводству, привело к деградации и кризису отсталое, экстенсивное хозяйство кочевников, обострило в их среде социальную дифференциацию. Скотоводческое хозяйство кочевников подрывалось прежде всего узаконением частной собственности на землю и экспроприацией лучших общинных пастбищных угодий колонизаторами и предпринимателями всякого рода, в том числе феодализировавшейся верхушкой племен — ханами, шейхами и др. Так, в арабских странах Передней Азии «многие лучшие племенные территории, испокон веков служившие пастбищами, передавались в собственность европейским плантационным трестам, арабским городским предпринимателям и крупным племенным шейхам, орошавшим их с помощью дорогостоящих механических насосов»¹⁴. Лишение пастбищ влекло за собой уменьшение стад, падежи от бескормицы, разорение скотоводов.

В то же время дорожное строительство, развитие автотранспорта лишало кочевников и весьма существенных для них доходов от караванной торговли, охраны караванов.

Вследствие стабилизации центральной власти прекращались систематические военные набеги кочевников на оседлые поселения; это освобождало жителей оазисов от установившихся во многих странах Передней Азии и Северной Африки отношений зависимости их от племен «покровителей», бравших с них дань за защиту от набегов других племен. Хотя главную долю дани присваивала феодальная верхушка племени, часть ее все же доставалась и рядовым кочевникам-воинам; поэтому разрыв этой своеобразной формы экономических связей с жителями оазисов, от которых кочевники получали необходимые им продукты земледелия, также отрицательно повлиял на уровень их жизни. Наконец, повсеместным явлением стало разорение скотоводов в результате «усовершенствования коммерческой техники» — грабительского посредничества ростовщиков-торговцев в сбыте их продукции.

Помимо всех этих факторов, связанных с колониальным режимом и развитием капитализма, обнищанию кочевников способствовала и крайняя неустойчивость самого кочевого скотоводства, полная зависимость его от природной стихии.

Известный исследователь французской Сахары Р. Капо-Рей пишет о бедствиях одного из разорившихся вследствие засухи кочевых племен. Лишившись скота, оно долго бродило в поисках заработка, наконец пришло к городу Жеривиллю, но и здесь не нашло работы и пристанища: «Не найдя жилья, они сохранили свои шатры, и этот пояс лохмотьев вокруг города, равнозначный бидонвиллям, явился последним свидетельством их прошлого образа жизни»¹⁵.

При слабых темпах урбанизации и замедленном развитии промышленности лишившиеся скота кочевники были обречены на безра-

¹³ F. Bennet, UNESCO research and experience on problems of nomadism and sedentarisation, Geneva, 1964, pp. 10—11 (Информационный доклад ЮНЕСКО, представленный Техническому совещанию МОТ по проблемам номадизма и седентаризации).

¹⁴ А. И. Першиц, Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. (Историко-этнографические очерки), М., 1961, стр. 44.

¹⁵ Р. Капо-Рей, Французская Сахара, М., 1958, стр. 270.

ботицу. Трудности найти работу нередко усугублялись расовой дискриминацией.

Кризис в этой сфере экономической жизни освещается и анализируется многими авторами, учеными и специалистами практиками¹⁶; однако большинство из них, к сожалению, не видит основных, социально-экономических причин, породивших этот кризис и усматривает в нем лишь естественный процесс «конфликта между технологической цивилизацией и противостоящими ей географическими факторами»¹⁷.

Широкая программа научных исследований в аридных зонах проводилась ЮНЕСКО. Результатом этих изысканий стала издаваемая ЮНЕСКО многотомная серия (свыше 20 томов) «Исследований аридной зоны» («Arid Zone Research Series»), признанная одним из наиболее полных во всем мире собраний естественно-географических данных об этих зонах. В томах содержатся также и обильные сведения о кочевых племенах, живущих в странах аридного пояса, охватывающего примерно 1/5 всей суши: обширные территории в Азии и Африке, большую часть Австралийского континента, полупустыни Мексики, юга США и Южной Америки¹⁸.

С 1957 г. начались и специальные работы ЮНЕСКО по изучению положения кочевников. Так, в Иране, Ираке, Сирии, а также в Египте и ряде других стран северной Африки проводились полевые этнографические исследования с одновременным детальным изучением экономики кочевого хозяйства отдельных кочующих племен и локальных групп¹⁹. Результаты этих новейших исследований обсуждались на конференциях и международных симпозиумах, организованных ЮНЕСКО²⁰, и опубликованы в сборниках и монографиях²¹.

Международная организация труда после принятия упоминавшейся конвенции 1957 г. также проводила, привлекая своих экспертов, исследования среди кочевников и опубликовала в своем органе «International Labour Review» ряд статей²²; кроме того, проблема оседания кочевников дважды ставилась на широкое обсуждение: в 1962 г. — на созванном МОТ в Женеве первом «Совещании комиссии консультантов по коренному и племенному населению» и в 1964 г. — на специально посвященном этой проблеме «Техническом совещании по проблемам номадизма и седентеризации»; участники последнего — эксперты — представители Алжира, Ирака, Иордании, Ливии, Марокко, Судана, Сирийской Арабской Республики, ОАР, а также ЮНЕСКО, ФАО, Лиги Арабских стран и других международных организаций представили для обсуждения

¹⁶ См., например, F. Bennef, Указ. раб., раздел «Nomadic Crisis», стр. 8—11.

¹⁷ См. предисловие J. Berque к сборнику «Nomades and nomadism in the Arid Zone», «International Social Science Journal», UNESCO, vol. XI, № 4, 1959, p. 481.

¹⁸ Б. В. Андрианов, Э. М. Мурзаев, Некоторые проблемы этнографии аридной зоны, «Сов. этнография», 1964, № 4, стр. 91.

¹⁹ См. F. Bennef, Указ. раб.

²⁰ Например, симпозиум ЮНЕСКО по проблемам аридных зон, состоявшийся в Париже в мае 1960 г., обсудил пять докладов, посвященных кочевникам разных регионов Азии и Африки. Доклады опубликованы в 18-м томе «Arid Zone Research Series», Paris, 1962.

²¹ «Nomads and nomadism in the Arid Zone» (среди 8 статей этого собрания опубликована работа советских ученых Л. П. Потапова и А. Турсунбаева «Некоторые аспекты социально-экономического и культурного развития кочевников в СССР»). См. также сборник статей «Nomades et nomadisme au Sahara», Paris, 1963, UNESCO, «Recherches sur la Zone Aride», № 19. Авторы этого труда — известные исследователи Французской Сахары: профессор Р. Капо-Рей и другие. Характерно деление книги на две части: «Le nomadisme traditionnel» и «Nomadisme et le monde moderne».

²² См., напр.: Mohamed A w a d, Settlement of nomadic and semi — nomadic tribes in the Middle East, vol. LXXIX, № 1, 1959; I. W a h a b, Tribal customary law and Modern law in Iraq, vol. LXXXIX, № 1, 1964; R. Capot-Rey, Problems of nomadism in the Sahara, vol. XC, № 9, 1964, и др.

около 20 докладов. В результате этих встреч и обмена мнениями выяснился основной круг вопросов, представляющихся экспертам наиболее актуальными для решения проблемы оседания; выявились также и разногласия в трактовке некоторых вопросов²³.

Эксперты пришли к заключению о трудности определения сущности кочевого общества; они полагают, что в данном случае следует избегать абстрактных формулировок, поскольку этот тип общества находится в процессе эволюции и непрерывных изменений. Было признано, что проблемы номадизма сильно отличаются в разных странах; их необходимо изучать и разрешать с учетом местных условий.

Вместе с тем, участники совещания договорились о некоторых общих положениях, касающихся специфики кочевого хозяйства. Уточнилось содержание понятий «кочевого» и «отгонного» скотоводства, а также «кочевого земледелия» (*nomadic agriculture*), распространенного в сочетании с кочевым или полукочевым скотоводством. Всеобщее признание получило положение о том, что кочевание нельзя считать непрерывной и случайной (стихийной) формой передвижений. При перекочевках номады всегда следуют по установленным путям, точно определяемым такими вехами (*landmark*), как колодцы, водоемы, топографические особенности местности и др. Кочевание — движение цикличное и ритмичное, обусловленное традиционными правами каждой группы выпасать скот в определенных районах. При планировании оседания рекомендовалось учитывать распределение между племенами пастбищ и колодцев.

Эксперты различают три типа оседания: спонтанное — стихийное самопроизвольное, связанное с деградацией кочевого скотоводческого хозяйства; принудительное — навязываемое насильственно, с применением военно-административных мер, и поощрительное — с введением в действие специальных правительственных программ, помогающих кочевникам перейти к оседлости. Метод принудительного оседания эксперты предлагают исключить, и в случаях, когда условия в стране неблагоприятствуют спонтанному оседанию, прибегать к мерам поощрения его прямыми методами (по государственным программам) или косвенными (путем строительства в районах кочевий дорог, артезианских колодцев и др.). Некоторые из специалистов по вопросам номадизма справедливо отмечают, что спонтанное оседание далеко не всегда повышает уровень жизни кочевника. «Лучшие земли племени захвачены не только наиболее трудолюбивыми, но и наиболее ловкими», — пишет Р. Капо-Рей, — и поэтому «чаще всего отказ от кочевой жизни сопровождается полной безработицей, праздностью, которые исключают какой-бы то ни было моральный или материальный прогресс... Такое оседание является социальным злом»²⁴.

Помимо сторонников необходимости поощрения перехода кочевников на оседлость есть и противники этого. Первые, отстаивая свои взгляды, приводят аргументы отнюдь не только гуманного характера (необходимость облегчить участь номадов). Они рассматривают кочевничество как «пагубное» социальное явление, источник постоянных беспокойств и беспорядков, как излишнее бремя для правительств, вынужденных проявлять заботу и нести расходы на оказание им помощи в случае стихийных бедствий; как препятствие держать в поле зрения и под контролем администрации значительную часть населения. Высказывают также не-

²³ См. отчет совещания «International Labour Organisation. Technical meeting on problems of nomadism and sedentarisation, Geneva, 6—17 April, 1964, Report». (Материалы МОТ, шифр TMNS [1964] D. 5.)

²⁴ Р. Капо-Рей, Французская Сахара, стр. 269—270.

довольство тем, что кочевники часто используют под пастбища плодородные земли.

Аргументы противников оседания также разнообразны: одни из них, вооружившись цифровыми данными, стремятся доказать экономическую нерентабельность государственных мероприятий, способствующих оседанию: огромные затраты на орошение участков, постройку колодцев, жилищ, дают, по их мнению, ничтожные результаты, несоизмеримые с затраченными усилиями и расходами. Выдвигается и проблема «сопротивления» кочевников оседанию: их консервативность, традиционное презрение к земледелию, привычку к кочевой жизни в пустыне многие противники оседания считают непреодолимым препятствием, полагая, что по своему психическому складу кочевники неспособны к сельскохозяйственному и к другим видам труда. Наконец, довольно широко распространена третья точка зрения — нецелесообразность уничтожения такой формы хозяйства, как кочевое скотоводство. Приверженцы этой концепции доказывают большое значение кочевого скотоводства для использования пустынь и призывают государства лишь принять меры к повышению рентабельности и доходности кочевого скотоводства, оставив без изменения образ жизни, традиционную социальную структуру, быт и нравы кочевников. В итоге дискуссии экспертами принято было решение, примиряющее эти диаметрально противоположные взгляды — а именно: о необходимости «гибкой политики», учитывающей, что перевод на оседлость и привлечение к занятию земледелием — не единственный способ улучшения жизни кочевников и что странам, где условия неблагоприятны для перехода к земледелию, рекомендуется привлекать их к другим видам труда (промыслы и ремесла, мелкая промышленность и др.).

В задачу данной статьи не входит описание и анализ составленных экспертами Ливии, ОАР, Иордании, Ирака, Алжира, Судана и некоторых других стран проектов программ и рекомендаций по оседанию²⁵. Эти документы чрезвычайно разнообразны по степени разработанности, по своим методам, масштабам и социально-экономической направленности; но многие из них отличаются характерной чертой: авторы их отмечают острый недостаток земельных угодий для наделения оседающих хозяйств, но вместе с тем обходят коренной вопрос — зависимость фонда этих земель от проведения широких демократических аграрных реформ. В большинстве развивающихся стран, не ставших на путь социалистических преобразований, аграрный вопрос остается неразрешенным²⁶. «Препятствием к оседанию племен служит нехватка годных земель, как это часто утверждается. Решение этой важной проблемы требует экономических затрат и широких аграрных преобразований», — пишет один из советских исследователей положения кочевников Ирана²⁷.

Тесно связана с этой особенностью проектов и программ оседания и вторая характерная их черта — полное игнорирование процессов социальной дифференциации в среде племен; одна из главных причин бедственного положения кочевников — их эксплуатация племенной верхушкой, местными феодалами, торговцами и ростовщиками, а также иностранными монополиями (например, в районах добычи нефти), как правило, не принимается во внимание, и в программах отсутствуют ре-

²⁵ Часть документации, представленной экспертами Техническому совещанию МОТ 1964 г. по проблеме оседания кочевников аннотирована Г. Г. Котовским (Ин-т народов Азии АН СССР). Ниже мы пользуемся некоторыми из его аннотаций.

²⁶ См. сборник «Социально-экономические последствия аграрных реформ в развивающихся странах Азии и Африки», М., 1966.

²⁷ В. В. Трубецкой, Переход к оседлости кочевников Ирана, Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964, стр. 2.

комендации каких-либо мер, защищающих основные массы кочевников от феодальных и растущих капиталистических элементов. Более того, некоторые из экспертов, ратуя за узаконение частной собственности на землю, предусматривают при этом сохранение в «модернизированном» виде старой племенной структуры и власти вождей; так, один из них настаивал, чтобы при создании снабженческо-сбытовой кооперации у кочевников и полукочевников Ливии эти кооперативы возглавлялись шейхами²⁸. Только в документе, представленном Сирийской Арабской республикой отмечается, что в процессе оседания бедуинов племенная верхушка экспроприирует основную массу земли. Между тем известно, что это не локальное, а всеобщее явление. Разорившиеся бедуины северных областей Аравии также за неимением в их распоряжении пригодных для обработки земель, «в подавляющем большинстве случаев были вынуждены оседать на земли, принадлежавшие феодальным шейхам и городским землевладельцам, превращаться в закабаленных арендаторов и издольщиков»²⁹. У кочевников Ирана «переход к земледелию для большинства означал превращение в зависимых арендаторов-издольщиков и батраков, работающих на племенных землях, перешедших в собственность ханов»³⁰.

Однако, кроме программ ОАР и некоторых других стран, в значительной мере отражающих прогрессивный демократический характер аграрных преобразований в этих странах (наделение землею и кооперирование трудящегося крестьянства, в том числе и кочевого) — проекты и рекомендации, как правило, не связывают оседание кочевников с необходимостью радикальных земельных и социальных реформ.

В целом, нельзя не отметить, что за некоторыми исключениями плановый перевод кочевников на оседлость в развивающихся странах Среднего Востока и Северной Африки пока еще протекает очень медленно. Нередко дело ограничивается планированием многолетних подготовительных изысканий для составления проектов оседания, а некоторые рекомендации экспертов создают впечатление, что стадия дискуссий и подготовки проектов может затянуться на неопределенный период, задерживая практическое проведение неотложных мер, остро необходимых для поднятия жизненного уровня сотен тысяч обнищавших скотоводов, кочевников и полукочевников.

* * *

В сентябре 1966 г. специалисты стран Среднего Востока и Северной Африки по проблемам номадизма встретились в СССР; они приехали сюда как участники организованного МОТ межрегионального семинара и ознакомительной поездки в Казахстан и Киргизию. Задачей семинара было предоставление возможности его участникам «изучить советский опыт создания условий для оседания кочевников», «изучить на месте практиковавшиеся для этой цели программы..., которые могут быть применены в условиях их стран».

Семинар проводился Государственным Комитетом Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы совместно с Академией наук СССР; последняя руководила научной частью семинара³¹.

²⁸ В одном из документов, представленных Иорданией, освещается политика консервации племенного строя в военно-административных целях.

²⁹ А. И. Першиц, Указ. раб., стр. 45.

³⁰ В. В. Трубецкой, Указ. раб., стр. 6—7.

³¹ Семинар проводился в порядке оказания технической помощи развивающимся странам. Директором семинара был назначен Р. Гейвин (МОТ); содиректором являлась Т. А. Жданко (Ин-т этнографии АН СССР); организационно-административная работа осуществлялась В. Г. Семеновым (Государственный Комитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы).

В семинаре участвовали представители 16 стран: Алжира, Афганистана, Индии, Ирака, Ирана, Иордании, Мали, Марокко, Нигера, ОАР, Сенегала, Сирийской Арабской республики, Сомали, Судана, республики Чад, Эфиопии, а также представитель ЮНЕСКО. Группа иностранных участников семинара, вместе с работниками МОТ и представителем ЮНЕСКО состояла из 24 человек. По своему служебному положению участники семинара были специалистами по вопросам, касающимся кочевого населения: представителями администрации, экспертами по оседанию и просвещению кочевников, по планированию труда, по социальным и земельным делам, по освоению пустынь и др. В первые дни работы семинара в Москве его участникам были прочитаны шесть лекций, ознакомивших их с большим кругом проблем, связанных с переходом кочевников к оседлости в условиях социалистического государства. Лекции сопровождались оживленным обменом мнениями.

Среди многих проблем, затронутых чл.-корр. АН СССР Б. Г. Гафуровым (Ин-т народов Азии АН СССР), во вводной лекции «Исторический опыт разрешения национального вопроса в СССР», слушателей особенно заинтересовали методы и практические мероприятия Советского государства, обеспечившие подъем экономики и культуры республик Средней Азии за годы социалистического строительства, конкретные формы помощи им со стороны Союзного правительства и братских республик, и в частности — помощь ассигнованиями на ирригационное строительство.

Огромный интерес, в частности, у представителей стран Северной Африки (ОАР, Марокко и др.), вызвала лекция Б. А. Федоровича «Природные условия аридной области СССР и пути ее освоения»³², в которой были очень убедительно показаны преимущества комплексного метода освоения пустынь, использующего, в зависимости от местных природных условий, сочетание разнообразных средств (орошение, мелиорация, обводнение и фитомелиорация пастбищ, использование минеральных ресурсов и др.) и применяющего новейшие данные науки, высокую современную технику. В лекции приводились некоторые материалы майского (1966) Пленума ЦК КПСС, освещающие планы оросительных работ и обводнения пастбищ в СССР.

Другой круг проблем обсуждался в связи с лекцией Т. А. Жданко «Номадизм в Средней Азии и Казахстане». Была отмечена важность тезиса автора лекции о закономерности сосуществования в условиях Средней Азии и Казахстана кочевых, полукочевых и оседлых элементов в рамках одной этнической общности, у одного народа, что облегчило в дальнейшем переход кочевников к оседлости. Проблема взаимоотношений кочевников с земледельцами поднималась во многих выступлениях. Обсуждался вопрос об исторических причинах, смягчавших в Средней Азии и Казахстане остроту антагонизма между этими двумя частями общества; на протяжении всей своей многовековой истории они были здесь неразрывно связаны экономически и находились в постоянных этнических и культурных контактах. Слушатели отмечали, что в силу особенностей исторических судеб, этот антагонизм несравненно острее в некоторых странах Среднего Востока и Северной Африки, в частности, в арабских странах. Об этом говорил, например, представитель ОАР Камал Махмуд Эль-Хассани. «Бедуины относятся с презрением к земледельческому труду и резко обособляют себя от феллахов. У кочевников существует такая поговорка: „Лучше бросить девушку в пасть крокодила, чем выдать ее замуж за феллаха“. Но все же были в нашей стране

³² В связи с болезнью автора лекции Б. А. Федоровича, ее прочел и отвечал на вопросы слушателей Э. М. Мурзаев (Ин-т географии АН СССР).

группы бедуинов, занимавшихся богарным земледелием. При переводе кочевников на оседлость приходится преодолевать много трудностей, воспитывать уважение к сельскохозяйственному труду, к занятиям разными профессиями».

С интересом выслушали затем участники семинара молодого советского ученого А. Оразова (АН Туркменской ССР), рассказавшего по просьбе экспертов стран Северной Африки о некоторых особенностях кочевого скотоводства в песчаных пустынях Туркмении.

Лекция «Переход к оседлости кочевников и полукочевников Средней Азии и Казахстана», прочитанная профессором Казахского Государственного Университета историком А. Турсунбаевым, была одной из самых важных для участников семинара, отчасти дезинформированных публикациями зарубежной прессы, искажающей задачи и методы Советского государства в осуществлении перевода кочевников на оседлость³³. Обстоятельная, насыщенная конкретными историческими сведениями лекция казахского ученого вызвала целый поток вопросов: слушатели стремились уяснить разные аспекты и детали сложной организации планового массового перехода кочевников на оседлость, возникавшие трудности и способы их преодоления. Проблемы 1920-х — 1930-х гг., ставшие уже достоянием истории народов Средней Азии, как бы вновь ожили при обсуждении этой лекции, оказавшись жизненными и актуальными. Главное внимание слушателей сосредоточилось на путях разрешения аграрного вопроса: их интересовал характер провозглашенных Советской властью земельных законов и земельно-водных реформ, порядок проведения конфискации угодий крупных землевладельцев (например, компенсировались ли как-либо государством эти землевладельцы); установленные для оседавших кочевников размеры наделов, нормы владения скотом. Большая группа вопросов относилась к организации государственного аппарата, планирующего и содействующего переходу кочевников на оседлость; в частности, многие расспрашивали оджайлооных советов, созданных в период оседания и советизации кочевого аула в Киргизии для культурно-массовой работы в районах отдаленных высокогорных летних кочевий. С большим вниманием слушатели отнеслись к разделу лекции о создании государством условий, облегчающих хозяйственные и бытовые трудности, возникавшие у кочевников при оседании (разнообразные формы помощи, субсидий, кредита). Слушателям было особенно важно выяснить, каким образом сочеталась добровольность перехода к оседлости с плановыми мероприятиями, какие экономические и другие стимулы и преимущества обеспечивались кочевникам новым оседлым укладом жизни и вступлением в сельскохозяйственные кооперативы.

Столь же оживленно реагировал семинар на лекцию С. М. Абрамзона (Ин-т этнографии АН СССР) «Влияние перехода к оседлому образу жизни на преобразование социального строя, семейно-бытового уклада и культуры прежних кочевников и полукочевников (на примере казахов и киргизов)». Автор привлек в своей лекции обширный исторический и этнографический материал, воспринимавшийся с огромным интересом. Наибольшее значение для слушателей, судя по их выступлениям, имели разделы лекции, освещающие процесс постепенного, но все-же достаточно быстрого изменения вековых устоев кочевнического быта и трудности, с этим связанные. Их интересовало, например, какие элементы кочевой

³³ Примером может служить статья: I. Winner, Some problems of nomadism and social organisation among the recently settled Kazakhs. «Central Asian Review», vol. XI, Oxford, 1963, № 3 и 4.

жизни исчезли быстрее и какие оказались более устойчивыми и сохранились, хотя бы в модернизированной форме, в современной жизни, а также характер обычаев, привычек, нравов, противоречивших нормам быта советского общества и уже изжитых или отмененных законом. Другая часть вопросов касалась типа прежней социальной структуры казахов и киргизов, роли в их общественных отношениях различных родоплеменных пережитков (родовые советы и др.); слушателей интересовало, какие советские социальные институты заменили эти отжившие формы, игравшие столь большую роль в жизни кочевников. Все эти сложные темы, затронутые в лекции по необходимости лишь кратко, во время обсуждения были развиты лектором, освещены с большой полнотой и ясностью. Лекция была завершена демонстрацией серии диапозитивов, сделанной по хранящимся в фондах МАЭ Ин-та этнографии АН СССР фотографиям из быта казахов и киргизов в годы их перехода к оседлости и коллективизации, что придало ей большую наглядность и убедительность.

Лекция О. Р. Назаревского (Ин-т географии АН СССР) «Современные формы пастбищного животноводства в пустынных и горных районах Казахстана и республик Средней Азии» была посвящена экономико-географической теме — современному крупному социалистическому животноводческому хозяйству совхозов и колхозов и использованию в нем многовекового опыта бывших кочевников-скотоводов, занятых в системе отгонно-пастбищного животноводства. Участники семинара с большим вниманием отнеслись к особенностям системы отгонно-пастбищного животноводства, просили детальнее рассказать об организации труда и быта колхозных и совхозных чабанов.

С сообщениями о современном состоянии кочевничества в своих странах выступили представители Индии, ОАР, Марокко, Мали, республики Чад и др.

Лекции были лишь введением к главной части работы семинара — поездке в Казахскую и Киргизскую ССР³⁴.

Научную часть работы семинара во время поездки возглавили республиканские академии наук. В обеих республиках занятия начались с научных конференций, посвященных теме семинара. В Академии наук Казахской ССР вице-президент, академик С. Б. Байшев ознакомил гостей в своей лекции с историей оседания кочевников и с современными достижениями Казахстана в развитии народного хозяйства, культуры и науки. В Академии наук Киргизской ССР конференцию по истории перехода кочевников-киргизов к оседлости возглавил президент АН Киргизской ССР, академик К. К. Каракеев; крупные ученые — историки, экономисты, социологи своими докладами развили и дополнили существенными деталями вводные лекции, прочитанные в Москве.

Участники семинара широко использовали возможность получить во время встреч с лучшими специалистами — учеными республик, нередко живыми свидетелями и организаторами перехода кочевников на оседлость, исчерпывающие ответы на волнующие их вопросы, связан-

³⁴ Программа этой поездки была чрезвычайно насыщенной и напряженной — в общей сложности участники семинара побывали за 12 дней на 25 объектах — в республиканских академиях наук, в высших учебных заведениях, школах, интернатах, больницах, в некоторых министерствах, в театрах, на выставках, в музеях и кино, а также на двух промышленных предприятиях, в двух колхозах, на строительстве ирригационных сооружений, на высокогорных, отгонных пастбищах и т. д. Программа предусматривала всестороннее ознакомление с результатами перехода кочевников к оседлости в условиях СССР, с трудом, культурой и современным бытом казахов и киргизов. Не имея возможности подробно осветить все эти встречи и беседы, мы останавливаемся лишь на нескольких.

ные с проблемой оседания. Сообщив о трудностях, возникавших в Иране при изменении традиционного образа жизни кочевников, Мохаммад-Бахман Бахманбеги, сам происходящий из кочевого племени бахтиаров, сказал после доклада С. Б. Баишева: «Надо поздравить ваше правительство с тем, что оно смогло убедить такое количество кочевников перейти к оседлости. Ведь удивительно, что здесь, где несколько десятков лет тому назад кочевали скотоводы со своими юртами, создан прекрасный город с величественным храмом науки, в котором мы сейчас находимся». «На основании собственного опыта мы знаем,— сказал Брахим Букадум (Алжир), что нередко перешедшие на оседлость кочевники не свыкаются с новым образом жизни и снова начинают кочевать. Не бывает ли у вас в Казахстане этого?». С. Б. Баишев ответил гостю: «Наши крестьяне испытали на себе все тяготы кочевничества и все преимущества оседлой жизни. Ни один из них ни за что не перейдет на старый путь ведения хозяйства: вы сами можете спросить об этом у любого и услышите, что вам ответят. На собственном опыте народ убедился в преимуществах оседлой жизни, новых форм хозяйства, обеспечивших благосостояние и быстрый рост культуры. Ведь из среды бывших кочевников происходит большая часть нашей интеллигенции — инженеры, врачи, писатели, ученые».

Одним из промышленных предприятий, с которым познакомились участники семинара, был Алма-Атинский завод тяжелого машиностроения, экспортирующий свою продукцию в 22 страны, в том числе и в развивающиеся страны (Ирак, Индию, Пакистан и др.). Участники семинара не ограничились осмотром предприятия и беседой с главным инженером и другими руководителями завода об организации производственного процесса, принципах набора кадров, заработной плате и пр.; они подробно познакомились также с системой производственного обучения, медицинского обслуживания, охраной труда, расспрашивали рабочих-казахов об их жизненном пути, истории их вовлечения в промышленность и получения технической квалификации. Биографии некоторых рабочих (в частности — начальника литейного цеха инженера т. Сулейманова) оказались в этом отношении для экспертов весьма интересными. Сын казаха-кочевника Сулейманов получил высшее техническое образование, окончив на Урале индустриальный институт; жена его тоже с высшим образованием, химик; дочь — математик, преподает в Политехническом институте; из четырех братьев — двое — ветеринарные врачи, один — юрист; сестра — научный работник-лингвист.

Группа слушателей семинара была в гостях у одного из рабочих завода. О своих впечатлениях об этой семейной встрече так рассказывал Мохамед Насири (Марокко): «Больше всего меня удивило, что расспрашивали не столько мы хозяина, сколько он нас: его интересовала жизнь народов наших стран, он очень гордится, что машины, которые делает его завод, экспортируются в развивающиеся страны Азии и Африки, помогают поднимать хозяйство этих стран. Поразительно, с какой гордостью этот человек говорит о своем заводе, как понимает значение своего труда. Встретили нас с большим гостеприимством, угощали вкусной национальной едой. Интересно, что женат этот рабочий-казак на украинке». О большом внимании участников семинара к результатам преобразования культуры и быта свидетельствуют и их беседы на швейной фабрике им. 40-летия Октября (Фрунзе), где из 2400 работников большинство составляют женщины коренных национальностей; главный инженер фабрики — также женщина-киргизка. Здесь во время знакомства с предприятием возник интересный во-

прос о степени сохранения национальных форм народной одежды, об излюбленных цветах и фасонах современного костюма. Представители Индии, Ирака интересовались соотношением традиционных и современных моделей одежды, наличием в Киргизии собственных модельеров. Гости расспрашивали работников также об их быте, о трудовом законодательстве для женщин, льготах и пособиях женщинам-матерям, и т. д.

Рис. 1. Участники семинара в Женском педагогическом институте (Алма-Ата)

За дни работы семинара в столицах республик участники его познакомились с системой народного образования и с многими культурными учреждениями. Так, в Алма-Ате они беседовали с министрами просвещения и высшего и среднего специального образования Казахской ССР, посетили школу-интернат для детей чабанов, женский педагогический институт, где на полном государственном обеспечении обучаются 2200 студенток — казашек и девушек других местных национальностей, преимущественно из отдаленных животноводческих районов республики, испытывающих наибольшую нужду в педагогических кадрах; познакомились с одним из восьми технических вузов республики — Политехническим институтом. Во Фрунзе, в Киргизском государственном сельскохозяйственном институте очень интересной для участников семинара оказалась встреча с профессорско-преподавательским составом — специалистами в области растениеводства и животноводства, зоотехники, механизации сельского хозяйства, ветеринарии и т. д. Круг вопросов, обсуждавшихся с представителями школ и высших учебных заведений, был широк — они касались языка преподавания, учебных программ, трудоустройства выпускников; большие трудности в развивающихся странах вызывает, как выяснилось из выступлений участников семинара, нежелание получивших образование представителей кочевых племен возвращаться из городов в сельские местности; в Иране, например, существует тенденция у «детей пастухов, скотоводов, уйти из сельского хозяйства, чтобы занять различные бюрократические посты в министерствах и других учреждениях»; слушатели семинара расспрашивали, наблюдается ли

подобное явление в Казахстане и Киргизии и практикуются ли какие-либо льготы или другие методы, стимулирующие выезд специалистов в отдаленные районы. В ответах были даны сведения о системе трудоустройства оканчивающих вузы и техникумы молодых специалистов.

Не меньше внимания было уделено изучению системы здравоохранения. Здравоохранение и подготовка врачебного персонала — одна из самых острых проблем в развивающихся странах, и обстоятельные сведения об организации медицинского обслуживания (в том числе и на далеких отгонных участках, куда врачей нередко доставляют на самолетах и вертолетах), сети лечебно-профилактических учреждений, санитарно-эпидемиологической службы, о развитии медицинской науки, по признанию участников семинара, были для них очень важны.

Однако едва ли не наибольшее значение для непосредственного знакомства с огромными прогрессивными сдвигами, происшедшими за годы Советской власти в хозяйстве, культуре, быту казахского и киргизского народов, имели выезды семинара в сельские местности: в Казахстане — в колхоз им. XXII партсъезда, центральная усадьба которого (с. Чубар) расположена в предгорьях хребта Джунгарского Ала-Тау (Талды-Курганский район Алмаатинской области); в Киргизии — в колхоз «Сынташ», находящийся в Чуйской долине, и на прославленные высокогорные отгонные пастбища Сусамыра.

Оба колхоза представляют собой крупные социалистические хозяйства: первый владеет 50 тыс. га поливных и пастбищных угодий, около 40% всего трехмиллионного годового дохода (1965 г.) колхоз получает от животноводства, имея 22 тыс. овец, 1600 голов крупного рогатого скота, 660 лошадей и др.; остальную часть дохода дает сахарная свекла, зерновые и другие отрасли высокомеханизированного полеводства. Председатель колхоза — К. Асанов — квалифицированный агроном, кандидат сельскохозяйственных наук. В колхозе — 4242 чел., в том числе 1165 чел. трудоспособных членов артели³⁵. Колхоз «Сынташ», возглавляемый Героем Социалистического Труда К. Курмановым, объединяет 4500 чел., в том числе 1300 чел. трудоспособных; земельные угодья его составляют 27,7 тыс. га; в колхозных отарах — 28 тыс. овец, на молочно-товарных фермах — 1700 голов крупного рогатого скота; доход колхоза в 1965 г. составил 2 126 тыс. рублей, в том числе более 800 тыс. руб. — от животноводства. Сахарная свекла дает богатые урожаи на плодородных землях долины и служит главным ис-

Рис. 2. В казахском колхозе

³⁵ Подробное описание этого колхоза см. в коллективном труде этнографов Казахской АН «Культура и быт казахского аула», Алма-Ата, 1967.

точником дохода в многоотраслевом производстве колхоза. От оплаты по трудодням колхоз перешел к новому методу прямой денежной оплаты труда, стимулирующему материальную заинтересованность и обеспечивающему более высокие заработки.

Участники семинара с огромным интересом обсуждали сведения о состоянии хозяйства артелей, знакомились с поселками, культурно-бы-

Рис. 3. В гостях у чабанов. Председатель колхоза им. XXII партсъезда преподносит подарок от колхозников — домбру — директору семинара Р. Гейвину

товыми учреждениями, осматривали жилые дома, фермы, выезжали на свекловичные поля, на пастбища к чабанам; в колхозе им. XXII партсъезда они много времени уделили осмотру большого строящегося Дома культуры, с зрительным залом на 640 мест и беседовали с художником, оформляющим фасад этого здания и внутренние помещения с широким использованием мотивов и приемов казахского народного декоративно-прикладного искусства. Жизнь колхоза и колхозников интересовала их во всех аспектах: структура и организация производства, оплата труда и материальная обеспеченность, условия пользования приусадебными участками, права и обязанности правлений колхозов, их состав и т. д. — в этой области поток вопросов был неисчерпаем. Но главным для гостей было, как нам кажется, убедиться, наблюдая собственными глазами жизнь колхозников казахов и киргизов, в действительном успехе и прогрессивности происшедшего процесса социальной и культурной интеграции бывших кочевников в среде современного общества, в отсутствии каких-либо болезненных явлений психологического характера, вызванных

ломкой старого быта, в отсутствии внешнего давления на процесс изменения обычаев, традиционных форм семейного быта, материальной культуры, духовной жизни. Удовлетворить это стремление проникнуть в духовный мир бывших кочевников помогло близкое общение с колхозниками, принимавшими представителей 16 стран Востока как своих почетных гостей — с открытым сердцем, искренним дружелюбием, с встречным большим интересом к жизни народов стран Азии и Африки и, конечно, с обильными и живописными «дастарханами» — угощениями и подарками, свидетельствующими о сохранении в современном быту традиционного гостеприимства.

В обширной долине Сусамыра, расположенной среди хребтов Тянь-Шаня на высоте около 3000 м над уровнем моря, находятся 300 тыс. га прекрасных пастбищ; со времени устройства здесь МЖС (машинно-животноводческой станции), снабженной мощной техникой, начато освоение части пахотнопригодных целинных земель под посевы кормовых культур и зерновых, для обеспечения фуражем зимующего в горах кол-

хозного скота. Еще недавно высокогорный Сусамыр был оторван зимой от внешнего мира — но теперь сквозь горы проложен тоннель и связь с жителями поселка МЖС и с чабанами не прерывается круглый год. Ежегодно на Сусамыре зимует около 100 тыс. овец, более 2,5 тыс. лошадей, значительное число крупного рогатого скота. Летом же число овец, выпасающихся на богатых пастбищах долины, достигает 1,5 млн. Их пригоняют сюда не только из разных районов Киргизии, но частично и из Казахстана. Путешествие на Сусамыр, осмотр МЖС, благоустроенного поселка, беседы с механизаторами и чабанами в этой высокогорной «чабанской стране», изучение условий их труда и быта — все это послужило основанием для выводов многих участников семинара о целесообразности заимствования опыта отгонно-пастбищного животноводства при переводе кочевников на оседлость в их странах. Красота горного пейзажа, колоритный облик всадников-чабанов, перегоняющих на осенние пастбищные угодья бесчисленные колхозные отары породистых овец, теплая встреча с обитателями сурового, но прекрасного Сусамыра вызвали необычайно яркие впечатления у участников семинара.

За время работы в республиках участникам семинара удалось познакомиться и с некоторыми видами современного национального искусства; они были на киностудии «Казахфильм», на концертах, познакомились с художественной самодеятельностью студентов, с казахским колхозным народным театром. Во Фрунзе гости смотрели в Киргизском ордена Ленина академическом театре оперы и балета премьеру оперы «Манас», поставленную по мотивам знаменитого героического эпоса, подлинной сокровищницы культуры киргизского народа. Самый факт превосходной новой постановки «Манаса», мастерство киргизских артистов, своеобразие национальной музыки, высокий уровень художественного оформления оперы не только очень понравились гостям, но и послужили убедительным доказательствам бережного отношения к культурному наследию народов нашей страны и развития его лучших традиций в современном профессиональном искусстве.

Семинар в обеих республиках был проведен на высоком научном уровне. Участие в его работе ученых и министров, профессоров и ректоров вузов, крупных специалистов — руководителей предприятий, колхозов — обеспечили возможность получения точных и содержательных информации, квалифицированных ответов на бесчисленные вопросы любопытных и эрудированных участников семинара. Нельзя не отметить также чрезвычайного радушия, гостеприимства и доброжелательности, с которыми встречали гостей во всех учреждениях и организациях, где они побывали; эта дружеская атмосфера произвела очень большое впечатление и способствовала успеху работы семинара.

Наконец, большое значение имела и непосредственно-го наблюдения характера национальных взаимоотношений в республиках Советского Востока. Знакомясь с многонациональными по составу кадрами промышленных предприятий, колхозов, вузов, наблюдая весь облик быта многонационального населения Казахстана и Киргизии, участники семинара смогли воочию убедиться в жизненности и силе такого могучего фактора прогресса, как полное равноправие наций, их трудовое сотрудничество и дружба. Во время беседы в Совете Министров Киргизской ССР, перед отъездом в Москву, представитель Индии, О.-К. Моорти сказал: «В вашей стране были созданы все материальные предпосылки для развития промышленности и сельского хозяйства, дорог и транспорта, высокой культуры... Вы обеспечили работу для всех, кто в ней нуждается, и самое главное — обеспечили развитие

наций, объединение людей в одну семью, развитие национального искусства — музыки, театра, хореографии, кино. Люди у вас счастливы, и мы получили большое удовольствие от пребывания в вашей стране».

От имени представителей африканских стран выступил Мохамед Насири (Марокко), сказавший в своей речи: «Лично для меня и для других участников семинара главное, что мы увидели в Киргизии, это тот прогресс, который вы обеспечили кочевому населению. Многие проблемы общественных отношений, очень сложные, были успешно разрешены у вас. Мы высоко ценим глубокую убежденность, с которой вы решились пойти на преодоление сложных задач и трудностей, стоявших на вашем пути. Вы сумели заменить племенную солидарность, объединявшую раньше кочевников и полукочевников новой, основанной на дружбе и равенстве народов. Вы можете с чувством гордости говорить о вашей национальной культуре, в частности — о театре».

О своих глубоких впечатлениях, об убедительности всего увиденного и услышанного и о своих выводах об успешности опыта и методов Советского государства в переводе на оседлость кочевников участники семинара говорили и на заключительном заседании семинара в Москве 24 сентября, перед отъездом в Женеву.

«Мы убедились воочию в том, о чем нам говорили на лекциях в Москве, — сказал представитель Республики Мали. — Мы смогли увидеть, какие методы способствовали переходу кочевников на оседлость. Этот семинар и путешествие были для нас очень полезны, они обогатили нас». Представитель ЮНЕСКО говорил о том, что успех советского опыта по переходу кочевников на оседлость обеспечили дружба народов и большая помощь государства. «Оседание в СССР проводилось не по какой-то особой программе, а было составной частью всей большой программы преобразования жизни после Октябрьской революции», — отметил он. — «Нам теперь ясно видно, что в Казахской и Киргизской республиках уже не существует проблемы кочевых или полукочевых образа жизни», — сказал директор семинара Р. Гейвин: «Результаты, которые достигнуты, поистине грандиозны». Многие из выступавших отмечали большое значение для успешного проведения планового перехода на оседлость, национализации земель, кооперирования крестьян, мероприятий по освоению пустынь, по развитию ирригации, промышленности и т. д.

Четвертый, последний этап работы семинара — с 27 по 30 сентября, проходил в Женеве, в Международной организации труда. Было прочтено 5 докладов сотрудников МОТ на темы о программе МОТ по вопросам туземного и племенного населения, об «институциональном аспекте» оседания кочевников, о международных трудовых нормах, о внешней службе и оперативной деятельности МОТ, а также, об истории МОТ со времени ее образования до наших дней. Затем состоялось обсуждение итогов семинара и ознакомительной поездки и обмен мнениями по вопросу о возможности использования советского опыта перевода кочевников на оседлость в странах Среднего Востока и Северной Африки, с учетом особенностей этих стран.

Участники семинара и в Женеве подтвердили свое заключение об успешности советского опыта и дали высокую оценку значения семинара и поездки. «Этот семинар можно в полной мере считать формой технической помощи странам, которые волнует проблема номадизма, — сказал представитель Республики Мали Бакари Диалло. Опыт, накопленный в СССР, полезен для наших стран и надо, чтобы он был широко из-

вестен. Надо информировать страны о работе этого семинара, сделать так, чтоб он имел продолжение».

Что касается практических выводов о заимствовании советского опыта, то многие говорили о сложности прямого перенесения его в свои страны в связи с трудными экономическими условиями — недостатком плодородной земли, невозможностью предоставления таких субсидий, какие давало Советское государство отсталым народам; говорили также о крайне неблагоприятных природно-географических условиях в ряде стран и т. д. Все же многое из советского опыта выступавшие считали возможным использовать; это касалось кооперации, системы образования и здравоохранения, отгонно-пастбищного животноводства и др. В Женеве снова слушатели семинара подчеркивали большое значение бережного сохранения и развития самобытных национальных форм культуры, развития высокого профессионального искусства у бывших кочевых народов — казахов и киргизов.

В заключение были вкратце обобщены итоги работы.

В числе факторов, способствовавших осуществлению в СССР перехода кочевников к оседлому образу жизни, отмечалась, помимо богатых природных ресурсов и наличия у Советского государства финансовых возможностей для огромных капиталовложений и субсидий отсталым районам страны, также и роль политической системы, которая дала возможность осуществить необходимые для перевода на оседлость кочевников земельные реформы, завершившиеся коллективизацией.

Вопрос о главных факторах, обеспечивших успех оседания кочевников в СССР потребовал некоторых уточнений; в частности при сопоставлении финансовых возможностей СССР и своих стран многие участники семинара забывали, каким трудным периодом в истории Советского государства были 1920—1930-е гг.; тогда страна только начинала развиваться после ряда лет экономической разрухи, вызванной первой мировой войной и интервенцией. Помощь оседавшим кочевникам государство оказывало, не взирая на множество трудностей и крайне напряженный в те годы бюджет.

Подводя итоги работы, руководители семинара отметили большую активность и высокую квалификацию участников, их глубокий интерес ко всем сторонам жизни изучавшихся народов, тонкость и точность многих их наблюдений во время поездки. Было высказано пожелание им успеха в работе, преследующей гуманные цели прогрессивного развития самой отсталой части населения их стран.

Велики достижения казахского и киргизского народов на пройденном ими пути от кочевого быта к социализму. Освободившиеся от колониального гнета, развивающиеся страны Азии и Африки имеют возможность использовать их богатый и поучительный опыт некапиталистического пути развития.

Семинар представителей 16 стран Среднего Востока и Северной Африки тщательно изучил на примере Казахстана и Киргизии одно из важных звеньев этого исторического опыта — создание условий для планового перехода к оседлости многих тысяч семей скотоводов, кочевавших еще в первые годы Советской власти в степях и горах Казахстана и Киргизии. Есть основания считать, что работа семинара МОТ в СССР окажется плодотворной; об этом свидетельствуют заключения самих участников семинара, говоривших о возможности применения целого ряда «советских методов» в развивающихся странах. Разумеется, в некоторых из этих стран, с их столь различными политическими системами, может вызвать трудности даже частичное заимствование

мероприятий, не отделимых от общей программы национальной политики Коммунистической партии и Советского государства. Но и в этом случае самый факт непосредственного знакомства участников семинара с жизнью народов Советских республик Востока несомненно окажется полезным.

SUMMARY

In many developing countries including those of Middle East and Northern Africa the problem of settling of cattlebreeding nomads and the assistance to their integration into national unity is a very actual one.

In the Soviet Union this is already a historic problem. Shortly after the Revolution the communist party and the Soviet government have created conditions for the voluntary transition of nomads and seminomads to the settled way of life. The solution of this complex problem is closely connected with the Lenin's national policy ensuring the noncapitalistic way to socialism for the underdeveloped peoples of the former colonial outlying districts of Russia.

In Kazakhstan and Kirgizia this transition was realized during the years of collectivization. The brilliant achievements of Kazakh and Kirgize peoples in the field of economics and culture illustrate the success of the Soviet experience.

In 1966 a transregional seminar on the problem of the sedentarization of nomads was held on the initiative of the International Labour Organization. The participants — experts of 16 countries of Middle East and Northern Africa made a trip to Kazakhstan and Kirgizia to familiarize themselves with the experience of the Soviet Middle Asia Republics. The present article deals with the problems raised on the seminar as well as during the acquaintance with the progressive innovations in the life of former nomads of Kazakhstan and Kirgizia.
